

Выйдя из обители шестого принца, Ху Пэй зашагал стремительно. Чао Цо легко поспевал за ним, ничуть не утомляясь, и уже примеривался отпустить какую-нибудь колкость. Однако, засмотревшись на шедшего впереди юношу, он не успел вовремя затормозить, когда тот резко остановился, и по инерции слегка налетел на него сзади.

Потирая ушибленный подбородок, Чао Цо устремил взгляд вперед. Там, преграждая им путь по дороге к Дворцу Вечного Спокойствия, стоял Сюаньюань Дуань. Одетый в просторное лунно-белое одеяние с изящным нефритовым поясом, восьмой принц казался воплощением благородства — статный, утонченный, с тонкими чертами лица. Заложив руки за спину, он стоял посреди дороги и, судя по всему, ждал их уже очень давно.

В груди Чао Цо внезапно всколыхнулась волна необъяснимой досады. Он помрачнел и процедил сквозь зубы:

— А у тебя, Ху Пэй, я погляжу, прекрасные отношения с высочествами.

Ху Пэй недоуменно покосился на него, но промолчал. Сделав шаг вперед, он почтительно поклонился восьмому принцу.

Сюаньюань Дуань ответил на приветствие, после чего благосклонно обратился к сопровождающему:

— Молодой господин Чао, не уделите ли вы нам пару мгновений? Я бы хотел побеседовать с Пэй-ланом наедине.

От этого «Пэй-лана» внутри у Чао Цо все перевернулось, а волна раздражения грозила превратиться в сокрушительный шторм. Лицо его потемнело от едва сдерживаемой ярости.

«Какого черта?! «Пэй-лан»? Да как у тебя язык поворачивается звать его так фамильярно? Ты мужчина вообще или кто?!»

Ху Пэй вовремя заметил, что его спутник вот-вот сорвется. Не дав Чао Цо наделать глупостей, он вынул из широкого рукава свиток и вложил ему в руки.

— Отнеси это в управу великого министра, — негромко произнес Ху Пэй. — Скажи, что пришел от моего имени. Если великий министр спросит лично, так и передай: я встретил восьмого принца, мы беседуем. Как освободишься, жди меня у дворцовых ворот. Я свое слово держу — сегодня с меня обещанное вино.

Вспышка гнева в груди Чао Цо мгновенно утихла, уступив место привычному спокойствию. Он крепче сжал свиток и, стиснув зубы, негромко ответил:

— Ладно, Ху Пэй. Ловлю тебя на слове.

Коротко поклонившись принцу, он развернулся и стремительно зашагал прочь.

Сюаньюань Дуань негромко рассмеялся, опустив взгляд. Его чистый, мягкий голос звучал на удивление миролюбиво.

— Будь ты женщиной, Пэй-лан, твоя красота затмила бы солнце, а мужчины бились бы за тебя насмерть.

Ху Пэй лишь хмыкнул, не скрывая колкости в ответе:

— Я и в мужском облике вижу вокруг слишком много тех, кто заглядывается на мое лицо и в упор не замечает ума.

— Ха-ха-ха... — Восьмой принц сделал вежливый жест приглашения, увлекая его за собой прочь от Дворца Вечного Спокойствия. — Не стану судить о мыслях других, но для меня, Пэй-лан, твоя мудрость всегда была куда ценнее внешней красоты. В прошлый раз ты подарил мне лишь одно слово. Могу ли я спросить, какое слово будет следующим?

— «Богомол охотится на цикаду, не ведая об иволге позади; кулик бьется с речным моллюском, а выгода достается рыбаку», — спокойно произнес Ху Пэй. — Пусть Ваше Высочество поразмыслит над смыслом этих двух притч.

С этими словами он поклонился, намереваясь поскорее уйти, но Сюаньюань Дуань резко протянул руку и ухватил его за широкий левый рукав. Упускать такую редкую возможность для разговора принц явно не собирался.

— Постой, у меня есть еще один вопрос, — заговорил он поспешно. — Почему ты вышел из покоев шестого брата? Ты ведь знаешь, что он...

Ху Пэй не стал вырывать руку. Он лишь медленно повернул голову и посмотрел принцу прямо в глаза.

Его взгляд — чистый, прохладный и совершенно безмятежный — обладал удивительной силой. Он мгновенно гасил любой порыв агрессии и заставлял отступить даже самые коварные интриги.

Сюаньюань Дуань тут же разжал пальцы и, придав лицу серьезное выражение, виновато поклонился:

— Прости, Пэй-лан, я погорячился. Но все же... не встретил ли ты в покоях шестого брата нашего четвертого брата?

Ху Пэй мгновенно уловил скрытый намек.

— Нет, — отрезал он. — Ваше Высочество, времена нынче смутные. Нам, подданным, не пристало подолгу задерживаться подле принцев — это лишь порождает ненужные слухи и подозрения. Если вы действительно поняли мои слова, то знаете, как следует поступить. Прощайте.

Сюаньюань Дуань молча смотрел ему вслед.

Лишь когда фигура Ху Пэя скрылась из виду, принц негромко произнес, словно обращаясь к самому себе:

— Пять лет я уже прождал. Потерплю еще год-другой.

Покинув пределы Дворца Небесных Тайн, Ху Пэй едва миновал Ворота Южного Процветания, как нос к носу столкнулся с возвращавшимся в замок Сюаньюань Хаем.

Пятый принц, не сбавляя шага коня, проехал мимо склонившегося в поклоне Ху Пэя. Он едва заметно и многозначительно усмехнулся.

Официальная церемония восхождения на престол еще не состоялась, но указ о назначении его наследником престола уже огласили. Сюаньюань Хай, облеченный титулом тайцзы, по-прежнему занимал Дворец Вечного Спокойствия.

Выпрямившись, Ху Пэй увидел спешащего к нему Чао Цо. Он остановился, поджидая друга, и когда тот подошел ближе, спросил:

— Ну что? Великий министр у себя?

— На месте, — отозвался Чао Цо, шагая рядом своими длинными ногами. — Про тебя расспрашивать не стал. Похоже, и так все понимает. В этих управах без сотни уловок в голове и дня не продержишься.

Они неторопливо зашагали к выходу из дворцового комплекса.

Навстречу им выехала повозка, которой правил Ху Линь. Но не успел слуга раскрыть рта, как Чао Цо зычно крикнул:

— Послушай, Ху Пэй, мужчина ты в конце концов или кто? Настоящие мужики пересекают Золотую столицу верхом! Ну же, давай махнем в Изумрудный бамбуковый лес в восточных пригородах, там и выпьем! Или у одного из «Десяти мудрецов» не найдется для этого капли молодецкой удали?

Ху Пэй слегка нахмурился, а затем жестом подозвал конюха, который вел на поводу коня Чао Цо.

Перехватив поводья черного скакуна, Ху Пэй легко вдел ногу в стремя и взлетел в седло. С высоты широкой спины коня он посмотрел на опешившего друга.

— Удаль мне не занимать, — усмехнулся он. — Скачи в Башню Пьяного Запада за вином, а я буду ждать тебя в бамбуковом лесу. Но-о!

— Эй! Ху Пэй! — только и успел крикнуть Чао Цо, собиравшийся прыгнуть следом и устроиться позади него. От резкого рывка коня он едва не потерял баланс.

Чертыхаясь, он бросился к коновязи, где чиновники оставляли своих скакунов:

— Где конь господина сиши?!

— Вот он, здесь! — испуганно отозвался подбежавший слуга.

Чао Цо выхватил поводья отцовского коня, взлетел в седло и пустил его в галоп, догоняя скрывающегося вдали Ху Пэя.

Поровнявшись с Башней Пьяного Запада, он осадил коня и вихрем ворвался в заведение:

— Эй! Живо тащите молодому господину два кувшина лучшего «Гоцзылана»!

Служка торопливо вынес обвязанные соломенной веревкой глиняные кувшины.

Чао Цо выхватил их, бросил на стойку три серебряных слитка и, не слушая криков о том, что это слишком много, бросился обратно к коню.

Прижимая к себе кувшины с вином, он пустил скакуна во весь опор к восточным воротам.

Прохожие лишь в изумлении смотрели вслед его лихой и уверенной посадке.

Едва выскочив за городские ворота, Чао Цо заметил впереди Ху Пэя. Одетый в черное просторное одеяние с алой каймой, тот неторопливо ехал шагом посреди дороги.

— Тпру-у! — Чао Цо резко натянул поводья, заставив коня описать круг вокруг товарища, и весело хохотнул: — Что, Ху Пэй, неужели не можешь совладать с моим Хэйдянем?

Ху Пэй покосился на его коня. На луке седла красовалось клеймо рода Чао — не иначе как личный скакун самого министра Чао Гана. Действительно, на редкость почтительный сын.

Хэйдянь под Ху Пэем шумно всхрапнул.

«Опять этот придурок хозяин приперся. Вечно скребет меня щеткой из кабаньей щетины, уже всю шкуру до плешин стер!»

Ху Пэй едва сдержал улыбку и спокойно ответил:

— Скакать во весь опор в черте города — только людей калечить. А вот здесь, на просторе, можно и разгуляться. Ну что, потягаемся? Кто первым доберется до Изумрудного бамбукового леса, тот и победил.

— Идет! — Чао Цо почувствовал, как улеглось волнение, овладевшее им, стоило лишь оказаться рядом с Ху Пэем. — Проигравший осушает кувшин залпом, согласен?

Ху Пэй покосился на кувшины в его руках, но спорить не стал.

Он слегка похлопал Хэйдяня по шее и беззвучно шепнул:

«Обойдешь клячу своего бестолкового хозяина — и я заставлю его купить тебе мягкую щетку из свиной щетины».

Жеребец согласно всхрапнул в ответ.

«Договорились! Стариковскому коню за мной ни за что не поспеть!»

— Начали!.. — закончить фразу Ху Пэй не успел: Хэйдянь под ним рванул с места так, словно его ужалила оса.

Чао Цо и подумать не мог, что его скакун заключил тайную сделку. Увидев, как лихо Хэйдянь пустился вскачь — совсем как в былые времена, когда его только объезжали, — он испуганно закричал:

— Ху Пэй, поберегись! Но-о, пошел!

Словно два вихря, они неслись друг за другом по пустынному восточному тракту, поднимая тучи рыжей пыли.

Прижавшись к шее коня, Ху Пэй упивался этой безумной скачкой. Ветер свистел в ушах,

выметая из души всю ту тяжесть и тоску, что копились в нем долгие годы.

Чао Цо отставал всего на корпус. Убедившись, что Ху Пэй уверенно держится в седле, а Хэйдянь слушается поводьев, он успокоился и теперь думал лишь о том, как бы их обойти.

Золотая столица раскинулась в живописной котловине: с трех сторон ее обступали величественные горы, и лишь к югу уходила широкая, холмистая равнина. Там высилась Гора Спящего Дракона, прославленная Усадьбой Десяти Мудрецов; зеленела Гора Цяньцю, знаменитая своими целебными сладкими источниками; и громоздилась выкупившая статус заповедных императорских угодий Гора Скрытого Дракона. Водные потоки, сбегавшие с этих вершин, питали глубокий ров, опоясывавший городские стены.

К северу от столицы высились неприступные кручи, сквозь узкие ущелья которых вилась единственная дорога, ведущая к трем северным землям во главе с провинцией Яньбэй.

На западе лежали грозные горные перевалы, упирающиеся прямо в Великую стену Циньлянь.

Что же касается востока, то здесь высились пологие холмы, сплошь поросшие густым бамбуком. Отсюда вели две дороги: одна круто взмывала вверх, теряясь в бескрайней изумрудной чаще, а вторая, огибая подножие гор, уходила к восточным провинциям и дальше — к скалистому океанскому побережью.

Ху Пэй направил коня прямо по горной тропе, летя на безумной скорости к самой вершине. Столь отчаянная удаль не на шутку встревожила мчавшегося следом Чао Цо.

Лишь теперь до него дошло: взбесился вовсе не Хэйдянь. С ума сошел сам Ху Пэй — этот утонченный юноша, которого он привык видеть либо в паланкине, либо в повозке!

— Эй, Ху Пэй! — крикнул Чао Цо, глотая свистящий ветер и заходясь кашлем. — Да остановись же ты! Хватит безумствовать! Впереди обрыв!

Ху Пэй резко натянул поводья. Хэйдянь пронзительно заржал и взвился на дыбы, едва не опрокинувшись навзничь.

Опустившись на все четыре копыта, жеребец сделал несколько кругов, шумно выпуская пар из ноздрей, и победно посмотрел на застывшего в изумлении прежнего хозяина.

«Я выиграл! С тебя новая щетка!»

Ху Пэй соскользнул на землю и ласково похлопал коня по шее. Но когда его ладонь ощутила липкий горячий пот, от былой радости не осталось и следа.

Чао Цо спешился, поставил один кувшин на траву, а со второго лихо сорвал сургучную печать.

— Иди сюда, ополосни руки! — весело позвал он. — Мой скакун — чистокровный северный зверь, у него даже пот целебный!

Вместо того чтобы подставить ладони под струю вина, Ху Пэй резко вскинул руку и размазал конский пот прямо по довольному лицу говоруна.

Чао Цо опешил, так и замерев с открытым ртом.

Он не рассердился — лишь глупо захлопал глазами, глядя на заливающегося смехом Ху Пэя, а затем вдруг рванулся вперед, пытаясь ухватить его за одежду.

Ху Пэй гибко отклонился назад и легким, скользящим шагом уклонился от броска.

— Ах ты прохвост! — хмыкнул Чао Цо. — Ну все, Ху Пэй, сегодня я тебя поймаю и докажу, кто из нас двоих главный!

Ху Пэй бросил на него мимолетный взгляд, в глубине которого на миг промелькнуло нечто странное и необъяснимое. Коротко помедлив, он резко развернулся и бросился наутек в глубь бамбуковой рощи.

Чао Цо довольно оскалился и тут же кинулся следом.

— Ху Пэй, стоять! Все равно не уйдешь!

— Ну да, разбежался! С чего бы мне тебя слушаться? — на бегу рассмеялся Ху Пэй. Он ловко пригнулся, уходя от загребущих рук, и обогнул мощную фигуру друга. — С твоей-то неповоротливостью только кур ловить!

Подразненный Чао Цо мгновенно растерял благодушие и взялся за дело всерьез. Резким выпадом он настиг увертливого беглеца и крепко схватил его за плечи. Одним мощным рывком он оторвал Ху Пэя от земли и перевернул вверх тормашками.

Сила Чао Цо была поистине сокрушительной.

Ху Пэй висел вниз головой. Пальцы друга до боли впивались в его плечи, но он лишь упрямо закусил губу, не желая издавать ни звука. Подол его роскошного халата откинулся назад, обнажив белоснежные шелковые шаровары, которые тоже слегка сползли.

Ткань одеяний накрыла лицо Чао Цо, скрыв его растерянный, смятенный взгляд.

В нос ударил тонкий, едва уловимый аромат благовоний и чистоты, исходящий от Ху Пэя. Лицо Чао Цо вспыхнуло пунцовым румянцем, и он в панике оттолкнул юношу от себя.

Но уже в следующее мгновение, сообразив, что Ху Пэй может сильно удариться при падении, он подчинился инстинкту, который сработал быстрее разума. Сделав резкий шаг вперед, он подставил собственное тело, падая навзничь и принимая весь удар на себя.

Раздался глухой стон, а следом — тяжелый вздох.

Они покатались по земле в клубах пыли и сухих листьев. Ху Пэй, поморщившись от боли, принялся растирать ушибленные плечи и сердито уставился на распростертого под ним Чао Цо.

Тот, несмотря на саднящую спину, лежал неподвижно и, затаив дыхание, замороженно смотрел на прекрасное лицо, оказавшееся так близко.

Чао Цо никогда не мнил себя эстетом. Он был обычным, земным парнем и до безумия любил это лицо, эту неподражаемую грацию и благородство.

В ранней юности он мало что смыслил в истинной красоте, полагая, что живущая по соседству госпожа Тянь И — верх совершенства.

Однако существовал иной род красоты. Той, что проникает под кожу и заставляет сердце замирать от щемящего восторга.

И сейчас его сердце колотилось как сумасшедшее. Он любил в Ху Пэе все: его черты, его повадки, а теперь, как никогда остро, осознал, что без ума даже от этого едва уловимого, чистого запаха его тела.

Юношеская страсть, горячая и неудержимая, затапливала разум, лишая воли.

Лежавший на нем Ху Пэй мгновенно почувствовал неладное. Он замер, потрясенный, и уставился на залитое румянцем лицо Чао Цо.

Ху Пэй попытался резко подняться, чтобы высказать все, что думает, но Чао Цо вдруг перехватил его, стремительным движением перевернул и прижал к земле. При этом взгляд великана оставался обезоруживающе растерянным.

— Да как ты... — начал было Ху Пэй.

— Я не хотел... — одновременно выдохнул Чао Цо.

Они замолчали, тяжело дыша. Ху Пэй уже яростно сверкал глазами.

Чао Цо смотрел на него жадно, но внезапный страх отрезвил его. Словно ошпаренный, он отпрянул, быстро поднялся на ноги и поспешно отступил на пару шагов.

Отвернувшись, он судорожно вдыхал прохладный лесной воздух, пытаясь совладать с нахлынувшим стыдом и растерянностью.

Ху Пэй медленно поднялся, отряхивая одежду, и молча уставился на застывшую спину этого непутевого силача.

Он уже занес руку, чтобы дружески хлопнуть Чао Цо по плечу, но в последний момент передумал и опустил ее, принимаясь неторопливо обивать прилипшие к подолу сухие листья.

— И на что ты только рассчитывал, Чао Цо? — негромко, но отчетливо произнес он. — И заруби себе на носу: я мужчина, а не холеный юнец из веселого квартала.

Чао Цо и сам пребывал в глубоком потрясении. Он тупо разглядывал свои подрагивающие ладони, не в силах поверить в случившееся.

Правда обрушилась на него всей своей тяжестью.

За последние пять лет не проходило и дня, чтобы он не вспоминал лицо Ху Пэя. Сперва им двигало упрямое, ребяческое желание во что бы то ни стало превзойти эту изнеженную «девчонку», которая к тому же была на год младше него.

Но шло время, прекрасный лик и благородная стать Ху Пэя раз за разом являлись ему во снах, пока образ юноши окончательно не завладел его мыслями, стерев любые границы полов.

Он смутно догадывался, что с ним творится нечто странное, но упрямо твердил себе: «Я просто обязан превзойти его во всем».

И вот теперь в его памяти упорно стоял этот пьянящий аромат чистоты, а перед глазами — то мимолетное мгновение, когда взметнувшийся подол явил взору его стройные, безупречно белые ноги... Чао Цо прижал ладонь к бешено бьющемуся сердцу, безуспешно пытаясь изгнать из головы это наваждение.

Ощущение было пугающим и сладостным одновременно. Словно он выпил яд, от которого не было спасения.